

DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-78-91

Взаимные исторические претензии КНДР и Японии

И.В. Дьячков

Аннотация. Специфической чертой международных отношений в Северо-Восточной Азии является обострённое внимание к проблемам общей истории и коллективной памяти. За последние 70 лет Токио и Пхеньяну так и не удалось установить официальные связи, и одной из основных причин стали исторические претензии. После освобождения и разделения Кореи Япония и КНДР оказались в разных военно-политических «лагерях», что усугубило неприязнь бывшей колонии к бывшей метрополии. Переговоры по нормализации в 1990-е гг. изначально шли не слишком гладко из-за трудности согласования вопросов об извинениях и компенсациях за колониальную эпоху. Долгожданные встречи лидеров двух государств в начале 2000-х гг. не принесли дипломатического прорыва. Японское общество оказалось возмущено признанием северокорейской стороной факта похищения японских граждан в 1970–1980-х гг., но отсутствием извинений в адрес Японии. Подтверждение давних подозрений в похищении и начатая японскими медиа кампания по политизации вопроса укрепили позиции консервативных представителей элит, которые, придя к власти, постепенно разорвали и без того не слишком прочные связи с Северной Кореей.

Примечательно, что эта относительно новая проблема заняла в общественном сознании и политическом пространстве ту же нишу, которую занимают вопросы исторической памяти. Дискурс о похищенных укрепляет общественную поддержку националистов, помогает через образ внешнего врага формировать групповую политическую идентичность, а также даёт японскому обществу возможность «отдохнуть» от потока претензий со стороны бывших колоний, заняв позицию жертвы. С другими историческими проблемами этот вопрос сближают методы продвижения японской позиции (связка усилий государства и общественных организаций) и политические итоги эксплуатации эмоций. Разгорячённое общество настойчиво требует наказания внешних виновников и не принимает никакие дипломатические компромиссы (которые как раз помогли бы урегулировать вопрос), и двусторонние связи деградируют до полного разрыва. Характерен и симметричный ответ: Северная Корея сама выступает с критикой Японии, припоминая ей все накопившиеся обиды – от современных до средневековых.

В Северо-Восточной Азии и без исторических осложнений хватает противоречий, грозящих обернуться военным конфликтом. Поэтому крайне настораживает, что ни союзники, ни традиционные оппоненты не могут удержаться от опасной политической эксплуатации националистических чувств.

Ключевые слова: женщины для утешения, историческая память, КНДР, северокорейско-японские отношения, Токто, проблема похищенных, Япония.

Автор: Дьячков Илья Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, доцент кафедры востоковедения МГИМО Университет МИД России (адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76); сотрудник Института востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, 12). E-mail: dyachkov@naver.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (грант № 19-18-00017).

Для цитирования: Дьячков И.В. Взаимные исторические претензии КНДР и Японии // Японские исследования. 2021. № 2. С. 78–91. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-78-91

Mutual historical accusations between the DPRK and Japan

I.V. Dyachkov

Abstract. International relations in Northeast Asia are particularly attuned to fluctuations of collective memory and the parties' evolving perception of their common past. In the past 70 years Tokyo and Pyongyang have failed to establish official ties, and historical differences became a major point of contention. After Korea was liberated and later divided, Japan and the DPRK found themselves in different political 'camps', which exacerbated Pyongyang's distrust of its former oppressor. Normalization talks of the 1990s had a rough start since the parties found it difficult to settle the issues of apologies and compensations for decades of colonial rule. The long-awaited summits in the early 2000s failed to bring a diplomatic breakthrough. Japanese society was enraged at North Korea's admission that Pyongyang was responsible for abductions of Japanese citizens in the 1970-1980s. This confirmation and the media's efforts to politicize the issue solidified support for the nationalists, who later came to power and cut all of Japan's loose ties with the North.

In the realms of public consciousness and politics, this relatively new issue has taken the place usually reserved for matters of troubled history. The discourse on abductions helps nationalists garner support. It also contributes to forming collective political identity vis-à-vis an external enemy, and provides the public a respite from constant accusations from former colonies by letting them try on the victim's shoes for once. The methods used to promote Japan's view (a peculiar union between NGOs and the government) and their political results bring this issue closer to historical problems. The enraged public clamors for punishment for foreign perpetrators and rejects any diplomatic compromise (which would have actually helped to resolve the issue), and so the bilateral ties fall apart. North Korea's symmetrical response is also quite symptomatic: Pyongyang now constantly criticizes Japan, bringing up all its 'wrongdoings' from modern times back to the Middle Ages.

Northeast Asia is troubled enough even without historical differences, with the threat of military conflict always looming on the horizon. That is why it is very concerning to see how both allies and opponents are eager to exploit nationalistic sentiments for short-term political gain.

Keywords: abductions issue, collective memory, comfort women, DPRK, Japan, relations between North Korea and Japan, Tokto.

Author: *Dyachkov Ilya V.*, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian, Department of Oriental Studies, MGIMO University (address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation); Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russian Federation). E-mail: dyachkov@naver.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Acknowledgements. This work was supported by Russian Science Foundation (Grant No. 19-18-00017).

For citation: Dyachkov I.V. (2021). *Vzaimnye istoricheskie pretenzii KNDR i Yaponii* [Mutual historical accusations between the DPRK and Japan]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2021, 2, 78–91. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-78-91

Введение

Объединяющая сила антипатий к Японии в корейском политическом поле настолько велика, что они порой являются точкой для сближения позиций даже Севера и Юга [Курбанов 2018, с. 77]. Сегодня Пхеньян и Сеул выступают с единых антияпонских позиций по вопросам прошлого, хотя межкорейские отношения в целом остаются сложными, а периодически переживают и существенные обострения.

В корейской народной памяти колониальный период 1910–1945 гг. и предшествовавшее ему усиление зависимости страны от Японии запечатлелись как однозначно унижительный отрезок истории. Большая часть претензий как северных, так и южных корейцев к Токио основана на событиях этой поры, и поэтому сходна. Тем не менее, история уже разделённой Кореи определила специфику восприятия бывшей метрополии в КНДР.

Как на Севере, так и на Юге главной государствообразующей силой стали представители антияпонского движения, и национально-освободительные идеи оказались центральными в идеологии новых корейских политических образований. На Севере со временем центром всей мифологизированной истории государства оказалась борьба Ким Ирсена и его партизанского отряда с японскими захватчиками. Кроме того, в КНДР подозрения в поддержке Японии или связи с коллаборационистами на первых порах были поводом для внутренних чисток, а также важным сюжетом в критике Юга, где значительная часть колониальной системы управления на первых порах сохранялась. [Chun 2020, p. 357, 361] В ходе Корейской войны (1950–1953 гг.) и в течение всей биполярной эпохи Япония оставалась в другом, антагонистическом для Севера лагере, поддерживающем Республику Корея. В частности, роль Японии как тыла возглавляемой США коалиции в Корейской войне дополнительно обострила восприятие ещё весьма свежих в памяти проблем прошлого и стала отдельным поводом для обиды [McCormack 2008, 4].

На Юге антияпонский пафос впоследствии несколько ослаб. Этому способствовали примирительная политика Пак Чонхи в 1960-е гг., а также общность военно-политической судьбы Республики Корея и Японии как элементов регионального периметра США. В 1965 г. Сеул и Токио нормализовали отношения, причём Япония «эксклюзивно» признала южнокорейское правительство единственным легитимным на полуострове. Нормализация, предшествовавшие ей переговоры, а также южнокорейско-японский диалог по историческим вопросам с 1960-х гг. до современности не решили многие проблемы, и вопросы памяти остаются ключевым поводом для конфликтов между Сеулом и Токио несмотря на связывающие их квазисоюзные отношения. Тем не менее, дипломатическая работа за 70 лет ушла значительно дальше попыток установить контакты.

Токио установил с Севером экономические и культурные связи уже к 1970-м гг., однако заключать отношения с Пхеньяном японские власти считали необоснованно поспешным шагом даже на фоне международной разрядки. [Ko 1977, p. 32] В итоге на сегодняшний день складывается парадоксальная ситуация: у Японии есть дипломатические связи со всеми странами мира, кроме соседней КНДР [McCormack 2008, p. 3], а какой-либо диалог и сотрудничество с Пхеньяном в XXI в. полностью прекращены из-за разногласий по проблеме похищенных.

Критика Японии в северокорейских материалах

Связи КНДР с Японией уже долгое время остаются на крайне низком уровне, поэтому Токио регулярно становится объектом дежурного осуждения в северокорейских источниках. В то же время критика США или Республики Корея в материалах, рассчитанных на внешнюю аудиторию, обычно приглушается, когда этого требует политическая ситуация в пору улучшения отношений с Сеулом или Вашингтоном. Северокорейские официальные публикации хотя и несколько отличаются от южнокорейских по стилю¹, весьма похожи по содержанию и регулярно выходят в ориентированной на зарубежного читателя прессе. Так, антияпонскими статьями традиционно завершаются номера журналов «Корея сегодня» и «Кымсугансан», заметки с критикой Токио – в том числе на японском языке – размещают государственные сайты «Ури минчжок ккири»², «Нэ нара»³ и др.

Статьи не всегда посвящены исключительно историческим сюжетам, часто в них критикуется современная жизнь в Японии [Ким Чисон 2020, с. 56] или политические шаги Токио (особенно северокорейцев пугают пересмотр японской конституции и укрепление Сил самообороны [Безрассудство... 2020, с. 47], совместные с США военные учения [Ким Ильбон 2020, с. 8]). КНДР регулярно осуждает те действия властей, которые трактуются Пхеньяном как притеснение близкой ему Ассоциации корейцев Японии («Чхоннён», распространена и неверная запись «Чхонрён») [Крайний... 2020, с. 48].

В большинстве случаев сегодняшнее «предосудительное» поведение Японии выводится из её прошлых грехов [Куда... 2020, с. 48], нежелания современного политического руководства страны признать прошлое и раскаяться, а также подразумеваемой прямой преемственности между деятелями милитаристской эпохи и нынешними японскими лидерами [Крайний... 2020, с. 48]. Так, в ряде публикаций подчёркивается, что дед бывшего премьер-министра Абэ Синдзо, Киси Нобусукэ, являлся военным преступником (хотя подсудимым на Токийском процессе он не был).

Что касается исторических претензий, их набор достаточно стандартен для общекорейского дискурса. Одна из статей излагает его почти исчерпывающе (здесь и далее орфография и характерный стиль перевода сохранены): «Японские империалисты зверски убили более миллиона корейцев, насильственно, путем похищения и соблазнения угнали 8,4 миллиона на агрессивный⁴ войну в качестве пушечного мяса и на средневековый каторжный труд, навязали 200 тысячам корейским женщинам позорную участь сексуальных рабынь. Кроме того, они провели бактериологическую войну, навязали рабский труд, душили корейскую культуру и хищнически грабили природные ресурсы Кореи» [Куда... 2020, с. 48].

Как видно даже из этого перечисления, отдельные сюжеты имеют наибольший вес, и нередко освещаются северокорейской прессой отдельно: проблема *вианбу* [Непростительные... 2020, с. 48], проблема принудительного труда. Для продвижения северокорейской точки зрения создаются специализированные общественные организации,

¹ Знаменитая «цветистость» северокорейских агитационных текстов частично объясняется тем, что при переводе они не адаптируются стилистически, в отличие от южнокорейских. В оригинале и северные, и южные политические воззвания довольно близки по стилю и средствам выражения.

² Ури минчжок ккири [Внутри нашей нации]. <http://www.uriminzokkiri.com/> (дата обращения: 04.02.2021).

³ Нэ нара [Моя страна]. <http://www.naenara.com.kp> (дата обращения: 04.02.2021).

⁴ Так в оригинале.

например, Корейский комитет для принятия мер по вопросу пострадавших сексуальных рабынь и насильственной вербовки⁵ и Общество корейцев, пострадавших от насильственной вербовки и их семей, от лица которых публикуются воззвания в адрес Токио⁶. Здесь нельзя не заметить сходство с тем, как деятельность общественных организаций «встраивается» во внешнюю политику в Республике Корея, [Современная Корея 2020, с. 107–108] да и самой Японии (см. ниже).

В заявлениях северокорейских общественных структур и в прессе повторяется утверждение, что Япония не признала ответственность, не принесла извинения и не выплатила компенсации за прошлую агрессию и колониальный период [Не расставшись... 2020, с. 46]. Это отчасти объяснимо тем, что эти шаги Токио преимущественно совершал в рамках отношений с Южной Кореей, а КНДР оставалась в стороне.

Не остаётся без внимания и проблема Токто, остро стоящая в южнокорейско-японских отношениях [Дьячков 2020]. Северокорейцы называют его в своих русскоязычных материалах «остров Ток» и утверждают, что эта территория «как священная земля корейской нации неразрывно связана с ее 5-тысячелетней историей» [Территориальные... 2019, с. 56]. КНДР, проявляя общенациональную солидарность, признает суверенитет Южной Кореи над островами [Трансформация... 2019, с. 267] и в своих материалах даже иногда «защищает» их от японских «притязаний» [Территориальные... 2019, с. 56].

В списке претензий КНДР есть и моменты, которые реже звучат в Республике Корея. Порой Пхеньян глубже погружается в историю, например, обвиняя японцев в воровстве корейских колоколов в эпоху Корё (935–1392) и в годы Имчжинской войны (1592–1598)⁷. Северяне чаще вспоминают об антикорейских погромах после землетрясения в Канто в 1923 г.⁸, а также о гибели судна «Укисима-мару», на котором в 1945 г. возвращалась на родину группа корейцев (по версии северян, судно намеренно потопили японцы). Эти сюжеты, безусловно, известны и на Юге, но там к ним не столь активно обращаются при обсуждении сложного прошлого (возможно, до поры). Тем не менее, центральная южнокорейская пресса порой перепечатывает северокорейские материалы [N. Korea...], судя по всему, выражая таким образом сочувствие им.

Интересно, что историческая критика Японии далеко не всегда была столь интенсивной. Да, в биполярную эпоху северокорейская пресса клеймила Токио как милитаристского прихвостня американского империализма, однако пхеньянские журналисты винили во всём «реакционеров» у власти, подчеркивая, что народ борется за демократию, мир и нейтралитет. В целом до сравнительно недавних пор Японии «доставалось» от КНДР значительно

⁵ Представитель Корейского комитета для принятия мер по вопросу пострадавших сексуальных рабынь и насильственной вербовки опубликовал заявление по случаю 75-летия поражения японского империализма. URL: <http://www.uriminzokkiri.com/index.php?lang=rus&ptype=cfodoc&mtype=view&no=29869> (дата обращения: 12.01.2020).

⁶ В оригинале – «Общество пострадавших корейцев от насильственной вербовки и их семей». Представитель Общества пострадавших корейцев от насильственной вербовки и их семей потребовал вскрыть всю истину инцидента судна «Укисимамару». URL: <http://www.uriminzokkiri.com/index.php?lang=rus&ptype=cfodoc&mtype=view&no=30025> (дата обращения: 12.01.2020).

⁷ Японцы воровали колокола в Корею. URL: <http://www.naenara.com.kp/main/index/ru/news> (дата обращения: 12.01.2020).

⁸ Разоблачается на весь мир национал-шовинистическая резня Японии. URL: <http://www.uriminzokkiri.com/index.php?ptype=cfonew&stype=0&ctype=0&page=1&lang=rus&mtype=view&no=30338> (дата обращения: 12.01.2020).

меньше, чем США или Южной Корее. Причина в том, что до политизации проблемы похищенных в начале 2000-х гг. Пхеньян стремился к нормализации отношений с Токио, а северокорейско-японская торговля была довольно активной ещё с 1970-х гг. [Ko 1977, pp. 33–35, 38–41].

Попытки урегулировать исторические претензии и проблема похищенных

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. северокорейские спецслужбы похитили из Японии, а также из стран Европы ряд японских граждан разного возраста, как поодиночке, так и парами. Предположительная цель похищений – использование японских граждан для подготовки агентов, хорошо владеющих японским языком и знающих реалии жизни в стране [Williams, Mobrand 2010, p. 509]. Японская сторона обычно говорит от 17 похищенных за всё время, Пхеньян же признал только 13 случаев.

Информация о похищениях впервые появилась в публикациях в японской газете «Санкэй симбун» в 1980-х гг., причём тогда журналисты ещё не высказывали подозрения, что за исчезновениями людей стоит КНДР. В 1985 г. японские спецслужбы арестовали северокорейского агента, использовавшего подложное имя и документы пропавшего ранее японца. Затем, в 1987 г., задержанная после подрыва южнокорейского пассажирского авиалайнера Ким Хёнхи на допросах указала, что японскому её обучала девушка, в которой по описанию узнавалась одна из похищенных, Тагути Яэко [Lynn 2006, p. 489].

Иными словами, к концу 1980-х гг. японской общественности было более-менее известно о похищениях, однако эти соображения ещё не влияли на внешнюю политику. В 1990 г. на фоне международной разрядки и межкорейского потепления Пхеньян посетила обширная парламентская делегация из Японии, в составе которой были представители Либерально-демократической и Социально-демократической партий. Группу парламентариев возглавил Канэмару Син (интересно, что в 1930-е гг. политик служил в Квантунской армии). Он привёз северокорейскому лидеру Ким Ирсену примирительное по содержанию личное письмо от тогдашнего японского премьера Кайфу Тосики.

Тема сложного прошлого стала центральной для первых двусторонних контактов. Так, в беседе с гостями Ким Ирсен заявил, что Япония должна заплатить 8 млрд долларов в качестве компенсации за колониальный период [Zakowski 2018, p. 79]. Итогом встречи стала декларация трёх партий (ЛДПЯ, СДПЯ и ТПК). В документе японская сторона обещала принести извинения за колониальную эпоху и выплатить компенсации за неё, а также продвигаться к нормализации. Примечательно, что также парламентарии принесли извинения за ущерб, нанесённый Корее за 45 лет *после* освобождения [McCormack 2008, p. 5].

Межпартийный формат взаимодействия позволил сторонам гибко толковать договорённости. Так, японское Министерство иностранных дел заявило, что трёхпартийная декларация – не межгосударственное соглашение, и поэтому не имеет обязывающей силы. Канэмару Син был вынужден объясняться не только перед японскими властями, но и перед США и Республикой Корея, причём Сеул добился обещания, что нормализация отношений с Севером произойдёт только с его ведома [Hangström, Söderberg 2006, p. 377].

Токио не планировал предоставлять Пхеньяну компенсации, рассчитывая применить формулу, которая была использована в ходе нормализации с Сеулом: предоставить не

собственно деньги, а экономическое сотрудничество объёмом примерно в половину затребованной суммы [Söderberg 2006, p. 441]. Такой вариант в принципе устраивал КНДР, и Пхеньян постепенно снижал свои требования в ходе последовавших в 1991–1992 гг. восьми раундов переговоров по нормализации отношений. В рамках третьего раунда северокорейцы предложили сначала нормализовать отношения, а затем решать остальные вопросы, однако Токио не согласился.

Более того, японская сторона начала поднимать тему похищений. На 4-м раунде переговоров в августе 1991 г. обе стороны условились обсуждать эту проблему отдельно от нормализации в особой рабочей группе. В ноябре 1992 г., в рамках 8-го раунда, Токио вновь поставил вопрос о похищенных. В ответ северокорейцы прекратили переговоры. В целом, в этот период проблема похищенных оставалась менее значимой, чем урегулирование проблем прошлого. В течение 1990-х гг. японо-северокорейские контакты были нестабильны и зависели от состояния ядерной проблемы и региональной конъюнктуры. В 1997 г. Северная Корея на неформальной встрече в Пекине согласилась начать расследование «исчезновения» людей (на такой формулировке настоял Пхеньян). Вскоре северокорейский Красный Крест заявил, что пропавшие не найдены на территории КНДР [Lynn, 2006, pp. 489–490].

В ходе контактов в 1990-х гг. японская сторона была в целом склонна принимать позицию Пхеньяна по похищенным, а также рассматривать эту проблему не как центральную, а лишь как одну из списка двусторонних вопросов. Политизацию этого сюжета увязывают с ростом национализма в Японии на фоне социально-экономического кризиса 1990-х гг. [Williams, Mobrand 2010, pp. 510–511]. Главным фактором здесь, однако, стала активная работа прессы, общественных организаций и лоббистских групп.

С конца 1990-х гг. в Японии появляются общественные организации, представляющие интересы похищенных. Они разворачивают активную лоббистскую деятельность, а также занимаются агитацией, причём как внутри страны (в частности, организуя митинги и сбор средств, в том числе через продажу сувенирной символики), так и с прицелом на КНДР (начав пропагандистское радиовещание на корейском языке). Активисты из числа депутатов прилагали усилия, чтобы удерживать вопрос в парламентской повестке. «Общественники» особенно тесно сотрудничают с националистически настроенными лоббистами, поддерживающими визиты руководства страны в святилище Ясукуни, удаление упоминаний о «женщинах для утешения» из учебников истории, борьбу с «Чхоннён» и т.п. [Williams, Mobrand 2010, pp. 512–516, 519–521].

Общественные группы, борющиеся за интересы похищенных, пользовались активной поддержкой Абэ Синдзо в ходе его работы на разных постах в правительстве. Непримируемая позиция по вопросу похищений помогла политику набрать популярность и дважды занять кресло премьера в 2006 и 2012 г.

В 2000 г. Токио и Пхеньян продолжили обсуждать нормализацию отношений, и после трёх раундов переговоров зашла речь о возможном саммите. Северокорейская дипломатия вышла с этой идеей на окружение премьера Коидзуми Дзюнъитиро, а японское руководство, в свою очередь, предпочло до последнего момента скрывать подготовку от «ястреба» С. Абэ (тогда – заместителя секретаря кабинета) [McCormack 2008, p. 6]. В виде примирительного жеста накануне готовившегося визита северокорейский Красный Крест неожиданно сообщил

о продолжении завершённого было расследования и назвал 6 пропавших, ранее не состоявших в японских списках [Lynn 2006, 490].

В сентябре 2002 г. Дз. Коидзуми посетил Пхеньян, и провёл краткую встречу с руководителем КНДР Ким Чениром. По итогам переговоров была подписана Пхеньянская декларация⁹, где Япония выразила «глубокое сожаление и искренние извинения» по поводу колониального периода [Hangström, Söderberg 2006, 381]. Ким Ченир, в свою очередь, принёс извинения за похищение 13 японцев в 1977–1982 гг. и отправку разведывательного корабля в японские воды в 2001 г., возложив ответственность на отдельные горячие головы в спецслужбах. По его словам, виновные были наказаны, когда он узнал об этой «самодеятельности»¹⁰ [McCormack 2008, pp. 6, 8]. В самой декларации вместо извинений КНДР было зафиксировано её обещание впредь не совершать подобных действий. Япония же ушла от вопроса репараций, посулив Пхеньяну экономическую помощь, а тот не стал настаивать, видимо, надеясь на скорую нормализацию отношений [Söderberg 2006, p. 445].

Хотя в Пхеньянской декларации грехи колониального периода как бы противопоставлялись похищениям, для японской общественности оказалась важна лишь вторая часть этого обмена признаниями. Параллели между действиями северокорейцев и японцев в колониальные годы (при «наборе» «женщин для утешения» и рабочих на принудительный труд) воспринимались с возмущением [McCormack 2008, pp. 8, 10].

В октябре 2002 г. Северная Корея отпустила пятерых оставшихся в живых похищенных посетить родину. Под общественным давлением японские власти отказались от изначальной договорённости обеспечить их возвращение в КНДР. Северокорейцы настаивали на обратном, утверждая, что просто «выгнать» этих людей было бы негуманно. По их словам, похищенные привыкли к КНДР и пошли на многие жертвы, чтобы приспособиться к жизни там. Они обзавелись на Севере семьями и детьми, которые не знают о происхождении родителей. Как и остальные северокорейские дети, они были воспитаны в духе ненависти к Японии, а если Токио потребует вернуть и детей, чтобы не разлучать семьи, то им, по словам Пхеньяна, будет трудно приспособиться к жизни в другой стране [McCormack 2008, p. 9].

Публичные извинения Ким Ченира, что парадоксально, но часто бывает с историческими проблемами, лишь подлили масла в огонь. Японское общество не оценило дипломатические достижения Дз. Коидзуми – напротив, пресса и общественность обрушились на него с жёсткой критикой [Lynn, 2006, p. 490].

Если в 1980–1990 гг. подозрения по поводу похищенных казались уделом сторонников теории заговора и небольших общественных групп, то теперь наихудшие опасения получили полное подтверждение. Особенно японцев возмутило заявление северокорейцев, что 8 из 13 похищенных погибли при разных обстоятельствах. Вызывало подозрения, что пары, по словам северян, погибали почти синхронно в результате странных несчастных случаев или от тех или иных недугов, нередко нехарактерных для людей 20–30 лет (цирроз печени, инфаркт и т.п.). Захоронения и останки погибших, по словам Пхеньяна, утеряны из-за природных катастроф [McCormack 2008, p. 10].

⁹ Japan-DPRK Pyongyang Declaration // MOFA of Japan. https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/n_korea/pmv0209/pyongyang.html (дата обращения: 04.02.2021).

¹⁰ Эта формулировка весьма напоминает слова Ким Ирсена, сказанные главе южнокорейской разведки Ли Хураку по поводу вылазок Севера против Юга в 1960-е гг.

После возвращения пятёрки японская общественность отказывалась верить, что остальные похищенные умерли [Hangström, Söderberg, 2006, pp. 382–383]. Знаковым стал пример Ёкота Мэгуми, пропавшей в 1977 г. в возрасте 13 лет. В 1996 г. через свидетельство северокорейского перебежчика стало известно, что за её исчезновением стоит КНДР. В 2002 г. Пхеньян признал это, однако заявил, что в 1993–1994 гг. девушка совершила самоубийство, и передал Токио её прах [McCormack 2008, 9]. Проведённые японскими специалистами исследования показали, что останки принадлежат не М. Ёкота, а нескольким другим людям (нужно также сказать, что методика проверки была потом раскритикована северянами и независимыми учёными) [Hangström, Söderberg 2006, pp. 382–383].

В прессе развернулась масштабная кампания против Северной Кореи, ещё больше вырос спрос на «страшилки» о КНДР [McCormack 2008, p. 11]. В этот короткий период именно средства массовой информации (возможно, при содействии консервативного лобби) создали у общества определённые представления о Северной Корее и «правильной» политике в её отношении, существенно сузив правительству пространство для дипломатического манёвра. Важным фактором стали драматичность сюжета, его близость к людям, а также то, что в нём чётко определяются и конкретные жертвы, и виновники. Освещение историй жертв превратилось для массового зрителя в захватывающее реалити-шоу о чужом горе. Внимание к судьбе похищенных было настолько велико, что за несколько лет после первого северокорейско-японского саммита в центральных газетах вышло вдвое больше передовиц про Север, чем про выборы нового премьера [Lynn 2006, pp. 484–497].

Нельзя не заметить, что дискурс вокруг похищенных по структуре и националистически окрашенной эмоциональности показал то, как общество воспринимает исторические проблемы. За пару лет СМИ добились того, что нормализацию стало поддерживать не большинство граждан (около 80 %), а меньшинство (около 40 %) [Lynn 2006, p. 503]. Сторонники мягкого подхода были дискредитированы и оттеснены от дипломатических рычагов. Можно сказать, что такой стала месть консерваторов за то, что Дз. Коидзуми отстранил их от планирования политики в отношении Севера [Zakowski 2018, pp. 81–85, 94].

В 2004 г. японский премьер вновь посетил Пхеньян, с ним в Токио вернулись ещё 8 родственников первой пятёрки похищенных. Северная Корея смирилась с тем, что все возвращённые лица останутся в Японии, а также пошла на уступки в вопросе встреч семей с остающимися в КНДР родственниками. Дз. Коидзуми пообещал при условии выполнения Пхеньянской декларации не вводить санкции против Пхеньяна, а также предоставить КНДР помощь [McCormack 2008, p. 11]. Тем не менее, вопрос похищенных уже отравил двустороннее общение настолько, что ещё недавно казавшаяся достижимой нормализация вновь выпала из повестки дня.

«Половинчатый» характер компромиссов возмутил японцев. Общественность критиковала премьера за то, что тот пошёл на уступки, утверждая, что КНДР не сдаст в ответ свои позиции, в частности, в ядерном вопросе [Акаха 2007, p. 303]. Медийный накал не ослабевал: второму саммиту в теленовостях уделили втрое больше времени, чем несколькими годами ранее – теракту 11 сентября 2001 г. Отныне любые упоминания Северной Кореи в прессе становятся поводом вспомнить о похищенных и покритиковать «бесхребетных» бюрократов в правительстве [Lynn 2006, pp. 491–3].

Придя к власти в 2006 г., Абэ Синдзо сделал вопрос похищенных из резонансного, но всё же второстепенного центральным элементом политики в отношении КНДР. Он создал

Штаб по противодействию проблеме похищенных для официального, институционального подкрепления усилий соответствующих общественных организаций, отныне пользующихся полной государственной поддержкой [Williams, Mobrand 2010, pp. 516–519].

Эмоциональный консенсус правящих элит и общества в последующие годы толкал японское руководство на всё более решительные шаги по демонтажу и без того не слишком прочных связей с КНДР. Токио стал вводить односторонние санкции против Пхеньяна, прекратил все экономические и культурные обмены, стал оказывать давление на «Чхоннён». Жёсткая позиция по проблеме похищенных повлияла на действия Японии в рамках многостороннего урегулирования ядерной проблемы Корейского полуострова на шестисторонних переговорах, став одним из факторов их остановки [Дьячков 2016, с. 168].

Беспокойство Японии о судьбе своих граждан хорошо понятно и объяснимо, однако трудно сказать, насколько такая позиция конструктивна: проблему будет трудно решить без нормализации отношений с Севером, а саму нормализацию Токио считает невозможной без возвращения похищенных. Стремление подменить усилия по решению ядерной проблемы обсуждением вопроса о похищенных трудно поддержать – особенно тогда, когда эти двусторонние разногласия заводят в тупик общерегиональную работу.

За исключительную политизацию вопроса японских коллег критикуют даже южнокорейские общественники, занимающиеся аналогичной борьбой за права своих похищенных. При этом их гораздо больше, чем японских: с 1940-х гг. северокорейцы при разных обстоятельствах похитили около 500 южан. Преимущественно это задержанные в море рыбаки, но есть также военные, представители интеллигенции и т.д. [Go, Forney]. В Южной Корее, в отличие от Японии, эта проблема мало обсуждается и не политизируется, о ней лишь изредка вспоминают консерваторы [Williams, Mobrand 2010, pp. 507–510, 529–531].

После прихода С. Абэ к власти японское правительство также развернуло ряд медийных кампаний по привлечению внимания к проблеме похищенных на всех уровнях от регионального до государственного для нагнетания эмоций у внутренней аудитории [McCormack 2008, p. 16]. Размах стал напоминать старания Республики Корея по продвижению своей точки зрения на проблему принадлежности острова Токто. Так, при поддержке МИД Японии регулярно выпускаются материалы самого различного формата – от брошюр до анимационных фильмов, а на сайте дипломатического ведомства появился обширный раздел на 10 языках, посвящённый похищенным¹¹ [Abductions...].

Движение за права похищенных стало знаменем националистов – похожая динамика наблюдалась и при развитии дискурса вокруг «женщин для утешения» в Республике Корея. Так, правительства между периодами пребывания С. Абэ у власти не придерживались столь же жёсткой позиции по этой острой проблеме, и разочарованные «профильные» лоббисты оказывали на руководство страны существенное давление [McCormack 2008, pp. 18–19].

Япония осталась не удовлетворена возвращением на родину пятерых похищенных и по-прежнему надеялась узнать судьбу остальных. Совместное расследование шло с перерывами до недавних пор, однако без особого успеха и, по большому счёту, лишь создавало проблемы. Само согласие на него северянами рассматривалось как колоссальная уступка, а японскую сторону систематически не удовлетворяли формат и ход работы. Тем не

¹¹ Abductions of Japanese Citizens by North Korea // MOFA Japan. https://www.mofa.go.jp/a_o/na/kp/page1we_000069.html (дата обращения: 04.02.2021).

менее, новое руководство КНДР в лице пришедшего к власти в 2011 г. Ким Чжонгана изначально было настроено на диалог. В 2014 г. проживающая в Северной Корее дочь Ёкота Мэгуми, Ким Ынгён (ранее фигурировала как Ким Хегён [McCormack 2008, p. 9]), встретила со своей бабушкой-японкой в Улан-Баторе; вопрос курировала сестра северокорейского вождя Ким Ёчжон, якобы лично дружащая с Ким Ынгён [Halpin]. Двусторонние консультации продолжались до середины 2010-х гг., однако особо не продвинулись, и Пхеньян в итоге прекратил расследование.

Трудно сказать, насколько КНДР готова обсуждать похищенных далее, поскольку власти страны уже, по их мнению, пошли на серьёзные уступки в этом вопросе, взамен получив лишь обрыв связей и дополнительные требования. Раздражённость Пхеньяна хорошо видна и по публичным материалам, где нередко указывается, что историческая вина Японии перед Кореей настолько велика, что Токио не имеет морального права выдвигать свои претензии [Страна-попирательница...].

* * *

Подводя итог, можно сказать, что на данный момент северокорейско-японские отношения деградировали настолько, что существуют лишь в форме обмена историко-политическими претензиями, причём рассчитанного на внутренний «идеологический рынок». Главной виной тому – вопрос о похищенных японских гражданах, который в начале 2000-х гг. стремительно превратился в проблему исторической памяти и взаимного восприятия. Северная Корея, раньше критиковавшая Японию за прошлые «грехи» достаточно осторожно и в целом дежурно, сейчас потеряла надежду на нормализацию отношений и предъявляет Токио длинный список исторических претензий, уходящий в Средние века.

Как и иные вопросы прошлого, вопрос похищений для правящих элит неразрывно связан с национализмом, проблемой возвращения Японии статуса «нормальной» страны [Williams, Moberg 2010, p. 508]. Также это – отдушина от преобладающей в регионе антияпонской риторики, призывов к ответу за преступления колониального периода. Эта проблема дала неудовлетворённой части общества возможность найти внешнего врага и хотя бы мысленно отыграться на нём за неурядицы затяжного экономического кризиса 1990-х гг. Ставя вопрос о похищениях, Япония не должна в очередной раз выслушивать чужие требования, а имеет право предъявить свои [Lynn 2006, p. 498]. С историческими проблемами этот нарратив роднит его функции (строительство националистической идентичности, сплочение перед лицом внешней угрозы), а также «побочные эффекты». Продвижение «правильной» точки зрения видится настолько ценным, что может осуществляться даже в ущерб национальным интересам в регионе (Япония фактически исключила сама себя из ядерного урегулирования). Характерна и бескомпромиссность активной части общества: когда кто-то из публичных фигур заявляет, к примеру, что участие в решении ядерного вопроса так же важно, как выяснение правды о похищениях – «диссидента» осаживают и принуждают извиниться за свои слова [Lynn 2006, p. 500].

В итоге проблема похищений, как и другие историко-политические вопросы, стала точкой входа в дискурс для далёкой от политики и истории части общества, которая на волне нагнетаемого возмущения начала поддерживать линию, выгодную одной из властных групп по совсем другим причинам. Безусловная поддержка большинства по «горячей» теме

перетекает в поддержку националистов по другим, более важным для них вопросам (в японском случае – укрепление вооруженных сил, пересмотр Конституции и др.). Однако пока одна из групп элит извлекает из сложившегося положения сиюминутную выгоду, страдают двусторонние связи с соседями и долгосрочные внешнеполитические интересы страны. В такой конфликтоопасной части мира, как Северо-Восточная Азия, националистическая игра с огнём особенно опасна, и потому столь печально видеть, что в последние годы ею увлекаются почти все региональные игроки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Безрассудство Японии // *Корея сегодня*. 2020. № 9. С. 47.

Дьячков И.В. Остров Токто в южнокорейско-японских отношениях: история, память, политика // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2020. Т. 11. Выпуск 12 (98). Часть I [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840010272-8-1/> (дата обращения: 17.02.2021). DOI: 10.18254/S207987840010272-8

Дьячков И.В. «Немирный атом» Северо-Восточной Азии: корейский узел. М.: МГИМО-Университет. 2016. 239 с.

Ким Ильбон. Неизменные замыслы Японии // *Корея сегодня*. 2020. № 9. С. 48.

Ким Чисон. Суицид в Японии стал социальной проблемой // *Кымсугансан*. 2019. № 6. С. 56.

Крайний национал-шовинизм не доведёт до «блестящего будущего» // *Корея сегодня*. 2020. № 9. С. 48.

Куда стремится Япония // *Корея сегодня*. 2020. № 12. С. 48.

Курбанов С.О. Северокорейская интерпретация проблемы прав человека и корейская традиционная культура // *КНДР и РК — 70 лет*. М.: ИДВ РАН. 2018. С. 74–83.

Не расставшись с ответственностью за преступное прошлое, нельзя жить сегодня // *Корея сегодня*. 2020. № 7. С. 46.

Непростительные нечеловеческие преступления Японии // *Корея сегодня*. 2020. № 5. С. 48.

Современная Корея: метаморфозы турбулентных лет (2008–2020 гг.) / А.В. Торкунов, Г.Д. Толорая, И.В. Дьячков. М.: Просвещение. 2021. 448 с.

Страна-попирательница прав человека // *Кымсугансан*. 2019. № 4 (339). С. 56.

Территориальные притязания Японии // *Кымсугансан*. 2019. № 9 (343). С. 56.

Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России / под ред. А.В. Торкунова, Д.В. Стрельцова. Монография. М.: Аспект Пресс. 2019. 432 с.

REFERENCES

Bezrassudstvo Yaponii [Japan's recklessness]. (2020). *Koreya segodnya* [Korea Today], 9, 47. (In Russian).

Dyachkov, I. (2016). «*Nemirnyi atom*» Severo-Vostochnoi Azii: koreiskii uzal [North-East Asia's 'non-peaceful atom': the Korean knot]. Moscow: MGIMO-Universitet. (In Russian).

Dyachkov, I. (2020). Ostrov Tokto v yuzhnokoreisko-yaponskikh otnosheniyakh: istoriya, pamyat', politika [Tokto Island in relations between South Korea and Japan: history, memory,

politics]. *Istoriya*, vol 11, 12 (98) part I. Retrieved February 4, 2021, from <https://doi.org/10.18254/S207987840010272-8> (In Russian).

Krainii nacional-shovinizm ne dovedet do «blestyashchego budushchego» [Radical nationalistic chauvinism cannot bring about a 'brilliant future']. (2020). *Koreya segodnya* [Korea Today], 9, 49. (In Russian).

Kuda stremitsya Yaponiya [Where Japan is headed]. (2020). *Koreya segodnya* [Korea Today], 12, 48. (In Russian).

Kurbanov, S. (2018). Severokoreiskaya interpretatsiya problemy prav cheloveka i koreiskaya traditsionnaya kul'tura [North Korean interpretation of human rights issues and traditional Korean culture]. In *KNDR i RK — 70 let* [DPRK and RoK: 70th anniversary] (pp. 74–83). Moscow: IDV RAN. (In Russian).

Nae Nara. (2020) Yapontsy vorovali kolokola v Koree [The Japanese stole bells in Korea]. Retrieved February 4, 2021, from <http://www.naenara.com.kp/main/index/ru/news> (In Russian).

Neprostitel'nye nechelovecheskie prestupleniya Yaponii [Unforgivable inhuman crimes of Japan]. (2020). *Koreya segodnya* [Korea Today], 5, 48. (In Russian).

Ne rasstavshis' s otvetstvennost'yu za prestupnoe proshloe, nel'zya zhit' segodnya [Without absolving criminal past one cannot live today]. (2020). *Koreya segodnya* [Korea Today], 7, 46. (In Russian).

Strana-popiratel'nitsa prav cheloveka [The country that tramples human rights]. (2019) *Kymsugansan*, 4 (339), 56. (In Russian).

Territorial'nye prityazaniya Yaponii [Japan's territorial claims]. (2019) *Kymsugansan*, 9 (343), 56. (In Russian).

Torkunov, A., & Streltsov, D. (Eds.). (2019) *Transformatsiya mezhdunarodnykh otnoshenii v Severo-Vostochnoi Azii i natsional'nye interesy Rossii* [Transforming international relations in North East Asia and Russia's national interests]. Moscow: Aspekt Press. (In Russian).

Torkunov, A., Toloraya, G., & Dyachkov, I. (2021). *Sovremennaya Koreya: metamorfozy turbulentnykh let (2008–2020 gg.)* [Modern Korea: metamorphoses of the turbulent years (2008–2020)]. Moscow: Prosveshchenie. (In Russian).

Uri Minzok Kkiri. (2020). Predstavitel' Koreyskogo komiteta dlya prinyatiya mer po voprosu postradavshikh seksual'nykh raby'n' i nasil'stvennoi verbovki opublikoval zayavlenie po sluchayu 75-letiya porazheniya yaponskogo imperializma [Representative of the Korean committee for measures to resolve the issue of sexual slavery victims and forced recruiting publishes a statement to commemorate 75th anniversary of defeat of Japanese militarism]. Retrieved February 4, 2021, from <http://www.uriminzokkiri.com/index.php?lang=rus&ptype=cfodoc&mtype=view&no=29869> (In Russian).

Uri Minzok Kkiri. (2020). Predstavitel' Obshchestva postradavshikh koreitsev ot nasil'stvennoi verbovki i ikh semei potreboval vskryt' vsyu istinu intsidenta sudna «Ukisimamaru» [Representative of the Society of Korean victims of forced recruitment and their families calls for uncovering the whole truth about the Ukushima-maru incident]. Retrieved February 4, 2021, from <http://www.uriminzokkiri.com/index.php?lang=rus&ptype=cfodoc&mtype=view&no=30025> (In Russian).

Uri Minzok Kkiri. (2020). Razoblachaetsya na ves' mir natsional-shovinisticheskaya reznya Yaponii [Japan's nationalistic chauvinist massacre is exposed for the entire world]. Retrieved February 4, 2021, from

<http://www.uriminzokkiri.com/index.php?ptype=cfonew&stype=0&ctype=0&page=1&lang=rus&mtype=view&no=30338> (In Russian).

* * *

Akaha, Tsuneo. (2007). Japanese Policy toward the North Korean Problem. Balancing Bilateralism and Multilateralism. *Journal of Asian and African Studies*, 42(3/4), 297-320.

Chun In-Bum. (2020). How North Korea Wages Political Warfare at Home and Abroad...and How to Respond. *Orbis*, 64 (2), 353-370.

Go Myong-Hyun, & Forney, B. (2018). *Kidnapping as Foreign Policy: North Korea's History of State Sponsored Abductions*. The Asan Institute of Foreign Studies Issue Brief. Retrieved February 4, 2021, from <http://www.jstor.com/stable/resrep16763>

Halpin, D. (2014). *Abe Plays the North Korea Card*. US-Korea Institute at SAIS Policy Brief. Retrieved February 4, 2021, from <https://www.jstor.org/stable/resrep11117>

Hangström, L., & Söderberg, M. (2006). Taking Japan – North Korea Relations Seriously: Rationale and Background. *Pacific Affairs*, 79(3), 373–385.

Kim Chi Son. (2019). Suitsid v Yaponii stal sotsial'noi problemoi [Suicide becomes a social problem in Japan]. *Kymsugansan*, 6, 56. (In Russian).

Kim Il Bon. (2020). Neizmennye zamysly Yaponii [Japan's unchanging schemes]. *Koreya segodnya* [Korea Today], 9, 48. (In Russian).

Ko, Seung K. (1977). North Korea's Relations with Japan Since Détente. *Pacific Affairs*, 50(1), 31–44.

Lynn, Hyung Gu. (2006). Vicarious Traumas: Television and Public Opinion in Japan's North Korea Policy. *Pacific Affairs*, 79(3), 483–508.

McCormack, G. (2008). *Japan and North Korea: The Long and Twisted Path towards Normalcy*. Washington: US-Korea Institute at SAIS.

Söderberg, M. (2006). Can Japanese Foreign Aid to North Korea Create Peace and Stability? *Pacific Affairs*, 79(3), 433–454.

Williams, B., & Mobernd, E. (2010). Explaining Divergent Responses to the North Korean Abductions Issue in Japan and South Korea. *The Journal of Asian Studies*, 69(2), 507–536.

Yonhap. (2020). N. Korea demands Japan's apology over killing of Korean forced workers in 'Ukishima Maru sinking'. Retrieved February 4, 2021, from <https://en.yna.co.kr/view/AEN20200824001700325>

Zakowski, K., et al. (2018). *Japan's Foreign Policy Making*. Cham: Springer.